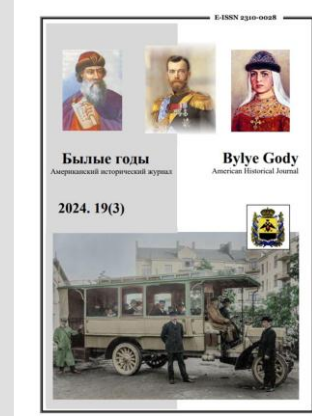

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1040-1051
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1040

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Relations of Abylai Khan with the Central Government and Regional Centers of the Russian Empire

Ziyabek Y. Kabuldinov ^a, Denis A. Chernienko ^{a, *}, Anar D. Arepova ^a

^aCh.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Abylai as one of the influential military and political leaders of the Kazakh Steppe of the XVIII century, during the almost 40-year period of rule as Sultan and Khan of the Middle Zhuz, paid considerable attention to building interaction with neighboring states, primarily Russia and China. The presence of two powerful empires with their own priorities and tasks determined the nature of international relations in this part of Eurasia. The Russian direction in Abylai's foreign policy activities became increasingly important as Russia's position on the border line and colonization activity strengthened. Abylai's interaction with the central and regional authorities of the empire was carried out through correspondence and the exchange of embassies. The main issues for discussion were the establishment of mutually beneficial trade in the border area, the safety of trade caravans, and the exchange of prisoners. Chinese and Dzungarian factors occupied a prominent place in Kazakh-Russian relations, so another important topic for negotiations was the possible provision of military assistance. Abylai's extensive correspondence with representatives of the Russian government at various levels from the commandants of fortresses to empresses shows his desire to protect the interests of his subjects, preserve the status of an independent ruler and the sovereignty of the part of the Kazakh Khanate subject to him. The documents show Abylai as an outstanding politician who, not without success, sought to formulate and implement his interests, which in turn strengthened his position within Kazakh society and eventually allowed him to receive the khan's title. Abylai's active foreign policy activity makes him a key historical figure of the XVIII century in Central Asia.

Keywords: Abylai, foreign policy, Kazakh Khanate, Kazakh-Russian relations, correspondence, rule, Russian Empire, Steppe, Sultan, Khan.

1. Введение

Абылай (1711–1780), будучи одним из наиболее влиятельных казахских правителей XVIII в., сначала в статусе султана, а с 1771 г. – старшего хана Среднего жуза, уделял значительное внимание выстраиванию взвешенной, многовекторной внешней политики. Геополитическая ситуация в Казахской Степи, имевшей своими непосредственными соседями такие могущественные державы, как Российская и Китайская (Цинская) империи, а также крайне нестабильное в военно-политическом отношении, особенно в середине XVIII в., Джунгарское ханство, требовала от степных властителей именно такого подхода. Стремясь к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, Абылай стремился к отстаиванию интересов Казахского государства и своих подданных. Этим объясняются его попытки выстраивать отношения на определенной дистанции. Известно, например, что Абылай, как и многие другие казахские ханы, никогда не бывал в столице Российской империи и в крупных губернских центрах, таких как Оренбург, Тобольск, Омск. Сознательно избегал он по возможности и посещения многочисленных крепостей на Сибирской пограничной линии. Поступать таким образом его вынуждали, по всей видимости, соображения

* Corresponding author

E-mail addresses: denis_chernienko@mail.ru (D.A. Chernienko)

личной безопасности, а также тонкая дипломатическая игра, которую Абылай пытался проводить в отношениях с более сильными в военном плане и опытными во внешнеполитических делах соседями, преследуя свои стратегические и тактические задачи.

Понимая важность поддержания высокого уровня контактов и необходимость соблюдения паритета в межгосударственных отношениях, Абылай минимум личных контактов старался компенсировать чрезвычайно активной дипломатической перепиской с российскими центральными и региональными властями. Традиционным шагом в дипломатии казахских правителей, в том числе и Абылая, была отправка своих родственников и приближенных, а также уполномоченных султанов, биев и батыров с посланиями и письмами. Являясь доверенными лицами, они доводили до чиновников разного уровня просьбы, намерения, требования или возможные пути решения возникавших проблем и вопросов.

После завоевания Сибири, когда южные границы Российской империи вплотную приблизились к северным, северо-восточным и восточным рубежам Казахского ханства, дипломатические контакты казахских правителей с российскими властями заметно оживились и осуществлялись преимущественно через пограничную администрацию Западной Сибири, город Тобольск, а также через комендантов отдельных крепостей на Иртышской, Староишимской, Новоишимской линиях военных укреплений.

Абылай в течение всей своей политической деятельности и почти 40-летнего правления придавал особое значение развитию казахско-российских отношений, что нашло отражение и засвидетельствовано в многочисленных исторических источниках – письмах и посланиях, адресованных представителям высшей имперской власти – царствующим персонам, столичным чиновникам, региональным губернаторам, местным военным администрациям. При этом вопросы, поднимавшиеся в корреспонденции, варьировались в зависимости от их сложности и статуса адресатов. Изучение внешнеполитических инициатив Абылая, содержания и особенностей его дипломатической переписки помогают лучше понять общий характер казахско-российских отношений в XVIII в.

2. Материалы и методы

2.1. На сегодня сформировалась достаточно обширная источниковая база, позволяющая изучать различные аспекты и непосредственную роль хана Абылая во взаимодействии Казахского ханства и Российской империи. Основные материалы по данной теме находятся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Историческом архиве Омской области (Омск, Российская Федерация), Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация).

Ряд документов, показывающих личное участие Абылая в формировании казахско-российской дипломатии, были опубликованы в соответствующих сборниках еще в советский период: «Материалы по истории Казахской ССР» (1948), «Материалы по истории политического строя Казахстана» (1960), «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» (1961), «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках» (1964), «Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв.» (1989), «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в.» (1989).

В новейшее время в Казахстане ведется активная работа по дальнейшему выявлению и публикации на русском и казахском языках источников, посвященных, в том числе, эпохе хана Абылая: «Абылай хан. Тарихи жырлар» (1993), «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (1997), «Абылай хан: өмірі мен қызметіне қатысты құжаттар мен материалдар» (2005), «Насенов Б. Абылай хан: Омбы архиві сөйлейді» (2005), «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков» (2005, 2007), «Қазақтың ханы – Абылай: Дәуірі, өмірі мен қызметі» (2011), «История Казахстана в документах и материалах» (2012–2013), «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» (2014), «Восточная дипломатия на стыке цивилизаций» (2015), «Султаны и батыры Среднего жуза» (2018), «Из истории казахско-российских отношений. XVIII век» (2019), «Из истории Великой степи» (2020), «Жизнь и деятельность казахских ханов, султанов, батыров XVIII – первой половины XIX вв.» (2022), «Казахская степь в архивных документах» (2023). Публикации такого плана были подготовлены и в России: «Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в.» (2013).

2.2. В основе исследования лежит принцип историзма – внешнеполитическая деятельность хана Абылая рассматривается в контексте общего развития казахско-русских посольских и дипломатических связей XVIII в. Основными источниками является переписка Абылая со своими респондентами в лице представителей российских центральных и региональных властей. В работе с источниками применялись общенаучные методы анализа, синтеза, интерпретации исторических сведений, которые позволяют установить содержание документа, определить его информационный потенциал и место внутри эпистолярного комплекса. Именно анализ переписки, а не отдельных писем, позволяет наиболее полно раскрыть их значение и возможность для использования в

изучении интересующей темы. Также большое значение имеет установление эпистолярных отношений, которые могут быть обусловлены отношениями между адресатами, ролью переписки в системе социальных связей, традициями составления подобных документов, стилистическими особенностями и другими факторами (Кобак, 2012).

3. Обсуждение

Тема истории казахско-российских взаимоотношений в научной литературе обеих государств представлена значительным корпусом публикаций. Наиболее обоснованным методологическим подходом является отнесение Казахстана и России к разряду международных субъектов, отношения между которыми на разных стадиях развития могли иметь радикальные отличия, но их суть заключалась в поиске разнообразных способов, форм и процедур согласования международных действий (Аяган, Кашкимбаев 2011: 13). Особый исследовательский интерес с точки зрения истоков межгосударственных контактов представляют дипломатические связи казахских правителей и Российской империи в XVIII в. В истории изучения этого периода в настоящее время выделяется три историографических этапа (Казахстан и Россия..., 2022: 231). Фигура Абылая при ее очевидной исторической значимости в контексте истории дипломатии до сих пор остается несколько в тени.

В дореволюционной историографии некоторые сведения об Абылае в связи с колонизацией Россией Центральной Азии содержатся в сочинениях И.Г. Андреева, А.И. Левшина, Н.И. Красовского, П.И. Рычкова, Н.Я. Коншина и др. Ч.Ч. Валиханов полагал, что к началу 1740-х гг. «мы находим его [Абылай – авт.] самым сильным из владельцев Средней орды» (Валиханов, 1904: 2). В советской историографии Абылай в отличие, например, от Тауке или Абулхаира, по-прежнему не рассматривался как важный актер исторических процессов, происходивших на территории Казахстана, его имя упоминалось главным образом в связи с борьбой с Джунгарией. Личность Абылая и его политика по отношению к России отчасти затрагивались в трудах М.В. Вяткина, Н.Г. Аполловой, Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина, В.С. Кузнецова, Ж.К. Касымбаева и др. Так, Н.Г. Аполлова подчеркивала первостепенную роль торговли и торговых отношений при принятии ханом Абулмамбетом и султаном Абылаем российского подданства. В международных отношениях Абылай придерживался политики лавирования: сначала в 1740 г. принял подданство России, в 1757 г. – Цинской империи. Российское правительство, хотя и контролировало дипломатические связи своих «неустойчивых подданных», было вынуждено мириться с двойным подданством Абылая во избежание возможных конфликтов (Аполлова, 1960: 94, 199-200). В.Я. Басин указывал на другую цель, которую преследовал Абылай при получении подданства России, – политическое и военное покровительство со стороны российского правительства, которое, в свою очередь, надеялось на подчинение Казахской степи при помощи казахского правителя (Басин, 1969: 132). По мнению Ж.К. Касымбаева, элементы лавирования между Цинской империей и Россией, допускавшиеся влиятельным султаном Среднего жуза Абылаем, можно объяснить сложной военно-политической обстановкой. При этом конкретные дела указывали на приверженность Абылая российской ориентации, в частности, он стремился завоевать доверие со стороны русских властей путем создания благоприятных условий для торговли на пограничной линии (Касымбаев, 1986: 45, 55). Р.Б. Сулейменов и В.А. Моисеев полагали, что Абылай использовал поддержку со стороны России и Цинской империи во внешней и внутренней политике в своих личных целях – стремлении к неограниченной власти, при этом «безжалостно расправляясь с непокорными» (Сулейменов, Моисеев, 1988: 132, 137). В целом в историографии советского периода преобладали негативные оценки как личности Абылая, так и его политики, что соответствовало классовому формационному подходу.

В новейшей (постсоветской) историографии представлен более сложный образ казахского правителя, его политическая деятельность рассматривается с точки зрения исторического значения для сохранения и развития казахской государственности. Важные исследования в этой области проводили М.Ж. Абдиров, Х.М. Абжанов, А.А. Абсадык, К.К. Абуев, М.Х. Абусейтова, Ж.О. Артыкбаев, Н.А. Атыгаев, И.В. Ерофеева, З.Е. Кабульдинов, Ж.К. Касымбаев, М.Б. Кожа, В.А. Моисеев, А.К. Мухтар, Е.Б. Сыдыков, Ж.К. Симтиков, О.С. Смагулов, Р.Б. Сулейменов, К.Ш. Хафизова и др. Ж.К. Касымбаев отмечал, что политика «двоеданства» была вынужденной, она обеспечивала безопасность кочевой жизни казахам и служила «связующим звеном между востоком и западом» (Касымбаев, 1999: 122). Этой же точки зрения придерживалась К.Ш. Хафизова, считавшая, что Абылаю приходилось прилагать значительные усилия и дипломатические маневры для сохранения политического баланса между великими соседями (Хафизова, 1999: 116). Важные сведения и интересные оценки политики Абылая по отношению к России содержатся в публикациях И.В. Ерофеевой. В частности, она напоминает, что султан был освобожден из джунгарского плена благодаря усилиям русской дипломатии (посольство К. Миллера), предпринятых по личной просьбе Абулхаир хана к губернатору И.И. Неплюеву (Ерофеева, 2007: 140-143). Один из ведущих абылаеведов Казахстана К.К. Абуев обращал внимание, что именно Абылай заложил основы дружественных отношений с Россией. Но в то же время историк считал, что главные цели и характер политической деятельности Абылая не всегда совпадали, а подчас шли вразрез с задачами Российской империи в Казахстане (Абуев, 2006: 5). В ряде публикаций З.Е. Кабульдинова показана

взвешенная и независимая внутренняя и внешняя политика правителя Казахского ханства, уделено внимание взаимоотношениям с Россией, налаживанию контактов с региональными властями империи (Кабульдинов, 2018; Кабульдинов, 2019). В целом оценки результатов внешнеполитической деятельности Абылая, данные казахстанскими авторами на протяжении последних 30 лет, во многом концептуально совпадают, показывая хана сильным, независимым правителем, проводившим продуманную и сбалансированную политику в интересах укрепления государственной власти.

Тема казахско-русских контактов в XVIII в. рассматривается и в новейших публикациях российских исследователей. Анализ внешнеполитической деятельности Абылая, перипетий его взаимоотношений с российской администрацией отражен в работе Д.В. Васильева, который отмечает большую значимость личности хана для российских властей, и что почти безграничная власть Абылая в Средней орде, его весомый, даже мистический авторитет среди других казахов зиждились на его военных успехах, политике лавирования между интересами соседних империй (Васильев, 2020: 329). Р.Ю. Почекаев, изучая влияние личностного фактора на правовую политику Российской империи в Центральной Азии в XVIII – начале XX вв., предположил, что обращение Абылая в 1757 г. к цинскому правительству с прошением о подданстве (вассалитете) могло быть обусловлено обидой на российские власти, которые не соглашались признавать его ханом. Интерес представляет замечание автора о том, что двойное и даже тройное подданство было довольно обычным явлением среди тюрко-монгольских народов. С этой точки зрения Абылай следовал устоявшейся традиции, и в его глазах двойное подданство не являлось чем-то предосудительным (Почекаев, 2017: 87-90).

Таким образом, отдельные аспекты деятельности Абылая по установлению казахско-русских отношений представлены в достаточно широком корпусе публикаций. Вместе с тем, несмотря на имеющийся исследовательский опыт, задача системного изучения роли Абылая в контексте межгосударственного взаимодействия в 30-80-х гг. XVIII в. сохраняет свою актуальность.

4. Результаты

Молодой султан Абылай начал свою военно-политическую карьеру в начале 1730-х гг. с управления небольшим улусом рода атыгаев племени аргын Среднего жуза на севере Казахского государства. С 1734 г. официально ханом Среднего и части Старшего жузов считался Абулмамбет, но значительные полномочия, по всей видимости, находились уже и в руках Абылая. Это подтверждается тем, что в дипломатической переписке Абулмамбета с российской стороной в 1736–1739 гг. по различным вопросам развития двусторонних отношений, прежде всего, оказания военной поддержки и обеспечения безопасного продвижения торговых караванов в степи, неоднократно фигурируют имена «Аблай-салтан», «Аблай-Багатур-султан». Один из ранних документов от самого Абылая относится к осени 1739 г. 29 октября в канцелярию Сибирского губернаторства поступило донесение от командира Сибирского драгунского полка подполковника Я.С. Павлуцкого о письме, полученном им «от Аблая Мухаммета батыра и салтана» (Эпистолярное наследие, 2014: 279).

Появление относительно регулярной переписки с российскими властями со второй половины 1730-х гг. свидетельствовало о постепенном возрастании интереса к событиям, происходящим в Среднем жузе, со стороны царского правительства. Особенно этот интерес усилился после создания в 1734 г. Оренбургской экспедиции, ведавшей организацией торговли с народами Средней и Центральной Азии и дальнейшей колонизацией казахской степи. Но следует отметить, что казахи Среднего жуза непосредственные переговоры с отправкой послов к российской стороне осуществляли чаще с Тобольском, чем Оренбургом, который был ближе для казахов Младшего жуза и до некоторых пор не отвечал интересам проведения более интенсивной дипломатической деятельности правителей Среднего жуза.

На рубеже 1730–1740-х гг. значительная часть обсуждавшихся вопросов была связана с созданием военного союза против наседавших тогда джунгар, налаживанием торговли, урегулированием проблем, возникавших в связи с взаимными набегами и нападениями подданных России – башкир, калмыков, военного казачества. Будучи кровно заинтересованным в решении указанных вопросов, Абылай вынужден был прибегать к необходимыми дипломатическим реверансам, чтобы заручиться поддержкой империи. Так, в совместном с султаном Абулмамбетом обращении на имя императрицы Анны Иоанновны от 12 декабря 1737 г. значилось: «Против неприятеля бесчисленное войско повелительно употребляющая, от востока до запада большим и малым народам и многим городам повелительница... яко глубину акияна власть пространно имущая, яко платом премудро разумеющая, императорскому величеству, отцу нашему, мы Абулмамбет-салтан и Аблай-салтан, нижайше кланяемся» (Эпистолярное наследие..., 2014: 249).

Начало системных и продолжительных контактов Абылая с Россией должно было подчеркнуть и обосновать имевшиеся военные возможности казахских правителей, что, естественно, играло немаловажную роль в формировании последующих партнерских отношений. Поэтому, например, в письме 1737 г. начальнику Оренбургской комиссии и тайному советнику В.Н. Татищеву сообщалось о выполнении разового «повеления» относительно разорения башкир, а также безопасном продвижении торговых караванов в степи: «И приезжающих сюда купцов во всяком благополучии

мы возвратили, и наши купцы поедут, и по указу белого царя и государя башкирцов мы разоряли, и повеление исполнили. Ежели посланцам нашим повеление будет ездить, и то состоит в воле их величества ж. И сию грамоту писал я, Абулмамет-хан, Аблай-Багатур-султан; и сие письмо писано оренбургскому командиру» ([Эпистолярное наследие..., 2014: 262](#)).

В течение следующего 1738 г. владельцы Среднего жуза, в том числе Абылай, обменивались письмами с императрицей Анной Иоанновной, обговаривая место принесения присяги из-за ухода казахов на значительные расстояния в степи ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1167. Л. 725-728об.](#)). В.Н. Татищев 28 мая 1739 г. оперативно доносил императрице о состоянии дел в Оренбургском крае, в том числе о готовности влиятельных чингизидов Среднего жуза принять российское подданство: «Средней Киргизской Орды Барак Салтан, також и Абдул Мамед и Аблай Салтаны ж у насъ в подданстве быть и сие присягою утвердить и надежных Аманатов дать желают» ([ПСЗРИ, 1830: 871](#)).

В свою очередь, Анна Иоанновна давала важные указания по поводу необходимости немедленного рассмотрения писем-просьб султана Абылая и других казахских владельцев степи и направлении им подарков, что следует из указа командиру Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту В.А. Урусову от 20 августа 1739 г.: «...к ним ответственность со снабжением и Нашей Императорского Величества Высочайшей к ним милости, и при том послать к ним некоторое малое жалованье сукнами, камками и другими вещьми, что в Самаре в готовности есть; а сколько чего к кому отправить, сие полагается в собственное ваше разсуждение» ([ПСЗРИ, 1830: 871](#)).

Из записи переговоров генерал-лейтенанта князя В. Урусова с представителями Малого и Среднего жузов во время их приезда в Оренбург для принятия присяги на подданство России известно, что 28 августа 1740 г. в Орской крепости Абылай принес следующую «присягу» на верность русской императрице: «...я, Аблай салтан киргис-кайсацкой Средней орды, пришел и предстою пред позласченною е. и. в. персоною... прошу, да принят буду с подвластными моими людьми в непобедимое засчищение высочайшей е. и. в. милости и в число совершенных и истинных е. и. в. подданных, за которую высочайшую милость долженствую, не токмо я один, но и со всеми моими, верным и истинным е. и. в. рабом вечно пребывать» ([Материалы по истории..., 1960: 36-38](#)).

Действительно, в это время среди казахов началась череда принятий ни к чему и никому не обязывающих подданств (патронажей), но суливших какие-то материальные или финансовые выгоды. Очевидно, что, принимая подобную присягу, Абылай преследовал и личные цели, желая получить для себя максимум преференций, которые могли заключаться в возможностях торговли с россиянами, переходе на внутреннюю сторону Староиршимской и Иртышской линий, возвращении беглых пленников, угнанного скота и так далее. Нельзя исключить и то обстоятельство, что принятие присяги сулило султану прекращение набегов других российских подданных, особенно башкир, и наседавших воинственных кочевых джунгар. Хотя дальнейшие события показали, что эти цели не только не были достигнуты, но и произошли события, заметно ухудшившие отношения казахов и самого султана Абылая с этими народами.

Период 1740-х гг. характеризовался дальнейшими действиями российского правительства, направленными на укрепление позиций в Степи. Письма казахских правителей российским властям свидетельствовали о том, что казахская правящая верхушка пыталась синхронизировать свои планы и рассчитывала на помощь русских военных отрядов в противостоянии с джунгарами.

Осенью 1740 г. началось очередное вторжение джунгарских войск в казахские степи, и Абылай принял активное участие в отражении натиска неприятеля. В.А. Урусов напоминал сибирскому губернатору П.И. Бутурлину о присяге султана на верность империи и заявлял, что казахи, верные русские подданные, не смогут выстоять перед лицом нападения джунгар в Сибири без поддержки. Однако в реальности военной помощи оказано не было. Султан Абылай, оказавшийся в ходе военной кампании в джунгарском плену и освобожденный после казахско-джунгарского перемирия в 1743 г., наверняка мог сделать выводы об эффективности патронажа России.

После установления мира с джунгарами Абылай в октябре 1743 г. в письмах к оренбургской и сибирской администрациям обещал способствовать тому, чтобы «со своими людьми е. и. в. способствовать и никакого к российскому народу обид и изъяну – не чинить, а быть приятелем». Содержание документов свидетельствует, что послы Абылая были весьма любезно приняты сначала в Тобольске, откуда они направились в Оренбург, где вели переговоры по вопросу об укреплении торговых отношений, завершившиеся успешно ([КРО, 1961: 308-311](#)). В торговле, прежде всего, были заинтересованы военные подразделения на Оренбургской и Сибирской линиях, нуждавшиеся в лошадях, которых казахи «имеют довольно» ([Казахстан..., 1969: 133](#)). Развитие взаимной торговли, в которой были заинтересованы как казахская, так и русская стороны, и в последующее время являлось одним из самых перспективных направлений во внешнеполитическом взаимодействии Казахского ханства и Российской империи.

Необходимость поддерживать приемлемый уровень и паритет контактов с Россией подталкивал султана Абылая искать возможности их укрепления различными способами, в том числе и по приведению новых казахских родов в российское подданство. Так, 23 декабря 1745 г. тобольский генерал-губернатор А.М. Сухарев получил письмо от султана Абылая с просьбой принять в российское подданство казахов из рода уйсун, кочевавших «между Верхних калмык и кайсак, всегда России

противности оказывали и от пребывания их здесь никакой пользы от них не было, а ныне оной народ пришед в раскаяние и, оставя прежние ими чинимья поступки, у е. и. в. в подданстве быть желают, и с тем требованием присылая был к нам от них один старшина» (КРО, 1961: 328-329).

Очень важным во взаимодействии Казахского ханства и России был также вопрос обмена пленными, возврат беглых людей, преступников. По представлениям А.И. Тевкелева и П.И. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Младшем и Среднем жузах, с 1742 по 1758 гг. казахами было возвращено 2 253 пленных русских казаков, башкир, татар и калмыков (АВПРИ. Ф. 122. 1749 г. Д. 6. Л. 3-28). Такая достаточно внушительная цифра говорит о постоянном взаимодействии казахских правителей с российской администрацией на местах по улаживанию конфликтных ситуаций.

Сохранение легитимности власти в Казахском ханстве, соблюдение традиций степной государственности, уважение к ее лидерам были одними из принципиальных черт молодого султана Абылая. Свой особый пиетет он испытывал и к старшему хану Абулхаиру, который находился в авангарде выстраивания казахско-российских отношений. В процессе налаживания и развития торговых связей Абылай в 1744-1748 гг. особенно сблизился с ханом. Их консолидированная позиция должна была подчеркнуть единство Казахского ханства и способствовать казахско-русской торговле. По крайней мере, Абулхаир в письме оренбургскому генерал-губернатору И.И. Неплюеву от 21 мая 1745 г. выражал «удовольствие и спокойное пребывание» от хорошо складывавшейся торговли между Россией и Степью. Через своего посла Кутыр батыра хан высказывал предположение, что центру казахско-русской торговли «способнее быть в Орской крепости» (КРО, 1961: 313).

Дружба и уважение к Абулхаиру нашли свое отражение и в ситуации с гибелью верховного хана. В августе 1748 г. Абылай и сын Абулхаира Ералы находились в военном походе на «верхних» каракалпаков, когда получили известие о смерти хана от рук Барак султана. Как писал в сентябре об этих событиях И.И. Неплюев сам Ералы, Абылай помог ему уйти от преследования отряда, посланного Барак для расправы с сыном почившего хана: «Он и меня было убить своих шпионов к Аблаю-салтану послал, но оной Аблай-салтан, услыша то, по общему нашему с ним обещанию от своего войска меня проводил» (ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 127). Абылай жестко осудил убийство султаном Среднего жуза правителя казахов Абулхаира и последующее поведение Барака, пообещав сыновьям бывшего старшего хана личное содействие.

9 мая 1749 г. он отправил официальное послание И.И. Неплюеву, выражая скорбь и негативную оценку действий Барака: «Покойной наш Абулхаир-хан нашего народного счастья содержатель и отец наш был, и по нем мы всегда в верных службах обращались. Ныне же с оставшими от него детьми Нуралы и Эралы салтанами обо всем единственной совет учинили, а злодей Барак, яко собака, з бесчестием умрет... Токмо просим, чтоб мы милостию вашею и впредь оставлены не были, и какая служба на нас положена будет, оную на тем своем нести имеем и всегда е. и. в. по возможности нашей верно служить обязуемся» (АВПРИ. Ф. 122. 1749 г. Д. 4. Л. 59-59об.).

Известно, что И.И. Неплюев выступал за ограничение власти хана Абулхаира и изменение традиционной процедуры избрания ханов, считая полезным, «чтобы сами киргиз-казацкие ханы ханство получали не по своей людской народной воле, но с высочайшего Ее Императорского Величества соизволения» (КРО, 1961: 399-400). После смерти Абулхаира некоторое время в казахском ханстве правителем считался его сын Нуралы. Сибирская администрация ставила перед Коллегией иностранных дел вопрос о награждении правителей Казахской степи ценными подарками, чтобы привязать их к себе и сделать лояльными. Например, 27 марта 1758 г. по определению Коллегии султанам Ералы и Айшуаку «за верную службу» были подарены именные серебряные сабли ценой в 90 и 55 рублей соответственно. Помимо этого, по представлению И.И. Неплюева и генерал-майора А.И. Тевкелева, сабля стоимостью в 120 рублей отправлена и султану Абылаю, так как им было ясно, что Нуралы не мог единолично принимать решения без согласия на это Абылая, пользовавшегося в Среднем жузе почти безграничной властью (КРО, 1961: 552).

После смерти хана Абулхаира в силу того, что Нуралы хан оказался в орбите влияния Российской империи, главной фигурой, которая проводила независимую политику в Казахском ханстве, оставался султан Абылай. Он, как и прежде, сохранял дистанцию в отношениях с Россией и искал возможности укрепления своих позиций внутри государства, создания таких внешнеполитических условий, которые отвечали бы интересам Казахского ханства.

Первое посольство от Абылая в Россию, чтобы «засвидетельствовать ее императорскому величеству верность», было организовано в конце 1758 г. Согласно сохранившимся документам, в Москву казахская делегация от «киргиз-кайсацкого главного владельца Аблай салтана» во главе с его двоюродным братом султаном Жолбарысом (Юлбарсом) в составе четырех человек и находившегося при них прапорщика нижегородского пехотного полка Михаила Куроедова прибыла 3 декабря, а в начале января 1759 г. – в столицу империи Петербург. Направляя посольство, Абылай таким образом хотел избежать подозрений в связях с цинским двором и заверить российские власти, что остается верным и готовым «в потребном случае к службе ея императорского величия» (Абуев, 2006: 186-187).

Важное место в дипломатических отношениях султана Абылая и России занимал китайский аспект. Необходимость искать паритет в отношениях и иметь дипломатические гарантии сохранности

территорий на юге и юго-востоке Казахского ханства вызывали у султана Абылая потребность взаимодействовать и с цинским Китаем. Данная ситуация максимально плодотворно была им использована в 50-х гг. XVIII в. Принятие китайского подданства давало возможность Абылаю дистанцироваться от России и в то же время демонстрировать себя в роли независимого правителя, принимавшего свои решения на международной арене. Сближение Абылая с Цинской империей вызывало серьезную обеспокоенность России. В 1758 г. в Оренбурге стало известно, что к Абылаю направилась посольская миссия из Цинской империи (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 430-436). В связи с этим А.И. Тевкелев считал необходимым немедленно пригласить султана в одну из пограничных крепостей для переговоров (КРО, 1961: 559-560). Но Абылай не принял ни этих, ни других предложений российской стороны по организации личных встреч.

В конце мая 1758 г. из Оренбурга в Степь был направлен представитель Коллегии иностранных дел переводчик Яков Гуляев для получения дополнительных сведений. Он должен был склонить хана Нуралы и его близкого с Абылаем брата Ералы к приезду в Оренбург. А.И. Тевкелев хотел побудить и Абылая встретиться с ним лично в Оренбургской крепости, однако тот отправил на встречу своего брата Жолбарыса. По результатам расследования генерал-майор А.И. Тевкелев и коллежский советник П.И. Рычков 26 июня 1758 г. докладывали в Коллегию иностранных дел: «...с теми Аблаевыми людьми китайской богдыхан и к нему то ж самое наказывал, да и письмо прислал, склоняет ево, хана, на свою китайскую сторону, обнадеживая, что он от него не только из детей ево, но и никаких аманатов, как то он в Россию отдает, не потребует, да и содержащихся-де в России аманатов высвободит и впредь до того не допустит» (КРО, 1961: 564). Эта информация об условиях китайского подданства свидетельствует о возможности более выгодных взаимоотношений Абылая с цинским Китаем. Это была серьезная победа султана, сумевшего в условиях ограниченности ресурсов внешней политики создать благоприятные условия для сохранения независимости Казахского ханства, а также сохранить возможность лавирования между двумя стремительно растущими империями.

В ответ на китайские инициативы Абылая Российская империя разрабатывала меры по упрочению своих позиций в Казахском ханстве, усилению влияния на султана. С целью удержать Абылая на своей стороне было решено подготовить почву для «провозглашения» его от имени империи, то есть в обход традиционной системы выборов, ханом Среднего жуза. В этом состояла миссия князя И. Уракова и Я. Гуляева, направленных в Оренбургскую губернию и Степь в конце 1759 – начале 1760 гг. Причем надо было сделать так, чтобы просьба об утверждении ханом и направлении аманатов исходила от самого Абылая. Посланники должны были выяснить также отношение казахов Среднего жуза к хану Абулмамбету, степень его авторитета и возможную реакцию в случае замены последнего Абылаем. Однако такие планы по замене казахского правителя оказались тщетными. Как выяснилось, даже имея подавляющий авторитет в степи, сам Абылай почитал старшего хана Абулмамбета и следовал его советам.

Тем не менее царское правительство продолжало проведение активных мер с целью не допустить перехода Абылая на китайскую сторону. В Указе Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору А. Давыдову от 18 июля 1760 г. в случае приезда султана в Оренбург рекомендовалось принять его как самого почетного гостя и обходиться с ним таким образом, чтобы убедить в самом лучшем к нему расположении. Всех сопровождавших султана лиц следовало одарить ценными подарками, но «...только с некоторою пред ханом малою убавкою. Ибо по здешнему рассуждению кажется, лучше потерять несколько иждевения, нежели его, Аблая солтана, и тамошних старшин» (КРО, 1961: 609). Но Абылай сам лично так никогда и не приезжал получать жалованье. Среди источников имеются ценные материалы с секретной перепиской региональных властей с комендантами пограничных крепостей, толмачами, купцами, некоторыми казахскими батырами. Подарки, жалованье и определенные суммы денег передавались султанам частью открыто, частью тайно. Выдача продовольственного пайка также служила одним из методов усиления лояльности части казахской политической элиты к России. Например, из переписки Абылая с командующим войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-поручиком И.И. Шпрингером известно, что обычно «каждой год нам по двести пудов муки производилось в выдачу» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 118об.).

Башкир Шукур Абзанов, побывавший вначале 1761 г. у Абылая в Среднем жузе, сообщал в апреле администрации Троицкой крепости об угрозах Цинов направить свои войска против Российской империи и казахских жузов. Что касается Абылая, то, со слов башкира, султан состоял в верноподданнической к «российской стороне должности». Ш. Абзанов не раз подтверждал, что казахи Среднего жуза «пребывают спокойно» и против России «никаких худых предприятий не имеют» (КРО, 1961: 614).

Год спустя Абылаю и другим казахским правителям представителями русской администрации И. Ураковым, Я. Гуляевым и Ф. Гордеевым были доставлены грамоты с извещением о восшествии на российский престол Екатерины II. В ответ от имени Абылая, Султанмамета, Нуралы, Ералы и других владетелей Среднего и Младшего жузов императрице было направлено поздравление по случаю восшествия ее на престол. По свидетельствам Ф. Гордеева, за время пребывания в Среднем жузе никаких антирусских настроений он не усмотрел, за исключением обиды на то, что российские власти

недостаточно помогали казахам в организации торговли. В то же время было отмечено, что с цинской стороны устанавливались укрепленные пункты, на территорию которых не допускалось казахское население, и было заметно присутствие значительного количества цинских войск у истоков реки Или (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 4. Л. 145).

В 1764 г. в Оренбург поступили сообщения от башкир Шукура Абзанова, Упака Абзанова и Мустая Утяшева. Они подтверждали, что Абылай в присутствии многих казахских старшин, родоправителей и биев заявил российским послам: «Ныне от китайцев никакого добра нет, и лутче-де нам, сообщась, к стороне нашей всемиловивейшей государыни жить, и китайцы-де чрез то им ничего не могут учинить» (КРО, 1961: 668). В августе того же года переводчик Матвей Арапов, ездивший к султану Абылаю с целью выяснения его отношения к российскому подданству, докладывал в Оренбургскую губернскую канцелярию, что, учитывая постоянное общение казахов с русским населением и оживленную торговлю между ними, враждебных намерений в отношении Российской империи среди людей там не обнаружил, в отношении же Китая казахи «к преданности-де в китайскую сторону генерально склонности не имеют» (КРО, 1961: 666).

В декабре 1764 г. в Оренбург и Тобольск от отдельных казахских владетелей начали поступать докладные сведения о двойном подданстве Абылая. В указанный период Старший жуз находился под номинальной властью Абулмамбета, но фактическим управлением султана Абылая, который активно укреплял свою власть в регионе, особенно на южных границах, где особенно осложнились отношения между казахами и кыргызами из-за споров о пастбищах на жетысуйских землях (История Казахстана..., 2010: 252).

Командир Сибирских войск генерал-поручик И.И. Шпрингер докладывал в Коллегию иностранных дел, что между Казахским ханством и Цинской империей осуществлялся обмен посольствами. Абылай направлял туда подарки и получал ответные дары. В качестве примера приводилось посольство в Поднебесную в составе 33 человек с 30 белыми рысаками в качестве подарка китайскому императору и влиятельным лицам из его окружения. 28 марта 1768 г. от старшины кереевского рода Среднего жуза Сагындыка Мамбетова поступили сведения, что император назначил Абылая начальником «над всеми киргисцами и салтанами», причем он получил право наказывать вплоть до применения смертной казни тех своих подданных, которые нарушали «спокойствие китайского правительства» (ИАОО. Ф. 3. 1823 г. Д. 423. Л. 117).

В 1768 г. Абылай просил царское правительство выделить ему военную силу для укрепления своей власти и направить его сына на царскую службу. Российское правительство не замедлило воспользоваться удобным случаем для получения от Абылая одного из его сыновей в качестве аманата. О значимости такого предложения говорил тот факт, что аманатов от него в России не было со времени принятия Средним жузом российского подданства в 1740 г. Султан Абылай всегда искал возможности альтернативных решений, что позволяло ему правильно оценивать свои шаги, находить компромиссы в решении сложных политических проблем и, таким образом, сохранять баланс между Цинской и Российской империями, где это, скорее всего, прекрасно осознавали. Абылай «оказывал усердие» к Цинской империи лишь для получения с ее стороны практической выгоды, так как он стремился укрепить свою власть и усилить авторитет. При этом Китай практически не вмешивался во внутренние и внешние дела Казахского ханства, не предпринимал никаких действий, направленных на дискредитацию и подрыв власти ханов и султанов.

Дипломатическая переписка хана Абылая с Россией в завершающий период его правления. В конце 1770 г. в Туркестане скончался старший хан казахов Абулмамбет, что создало объективные и легитимные условия для избрания Абылая общекзахским ханом. В 1771 г. после разгрома отступавших волжских калмыков в мечети Ходжи Ахмета Яссауи по казахскому обычаю старшины многих казахских родов Среднего и Старшего жузов и знатные представители городского населения Присырдарьинского региона избрали Абылая ханом (Андреев, 1998: 36-37). Следует отметить, что еще до избрания Абылая старшим ханом его фактическая власть распространялась и за пределы Среднего жуза, охватывая значительную часть Старшего и часть Младшего жузов.

В письме оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 28 февраля 1778 г. Абылай хан так описал это знаменательное событие: «А стал я ханом потому, что в 1771 г. с целью преградить путь отказавшимся от покровительства падишахского величества и сбежавшим калмыкам весь киргиз-казахский народ сел на коней, и все наши знатные и именитые люди казахского йурта уч-алач, города и степные окраины, а также все именитые люди Ташкентского йурта и знатные люди Туркестанского йурта согласились в том, чтобы поставить меня главным над всеми ханами. По нашему обычаю и по правилам предшествующих ханов в городе Туркестане, где скончался наш святой хазрат Ходжа Ахмад Йасауи, над его могилой была прочитана Фатиха, и я был поднят ханом» (ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 69).

В 1772 г. ханский титул Абылая был официально утвержден цинским императором Цяньлуном, отправившим тому грамоту и богатые подарки (Цинская империя..., 1989: 30). Но, несмотря на легитимность избрания в Казахском ханстве и признание китайским императором, подобное признание требовалась и от Российской империи, что должно было способствовать усилению его власти как внутри ханства, так и в отношениях с другими соседними государствами и народами.

В 1778 г. после приобретения своего высшего ранга, желая получить от царского правительства «патент», Абылай обращался к императрице Екатерине II с просьбой «высочайше подтвердить» его ханское звание. Возможно, основной целью такого обращения было стремление получить военную поддержку в преддверии большого похода против кыргызов. В связи с этим хан отправил к императорскому двору в Петербург посольство во главе со своим сыном султаном Тогумом в надежде осуществить свои планы (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1779 г. Д. 1. Л. 42-46).

Однако уже накопленный дипломатический опыт российского правительства по ведению дел с независимым ханом Абылаем привел теперь к выжидательной позиции. Царизм стремился реализовать свои стратегические планы, суть которых заключалась в планомерном снижении влияния степной аристократии в казахской степи, особенно ее лидеров. По сути ставилась задача постепенной ликвидации выборов казахских ханов. Чрезмерное усиление одного из степных правителей, являвшегося к тому же еще и цинским подданным, также не входило в планы. Исходя из этого, по рекомендации Коллегии иностранных дел 24 мая 1778 г. Екатерина II подписала патент об утверждении Абылая ханом только Среднего жуза, в знак чего ему была выделена из кладовой при Алмазной мастерской императорского Кабинета «сабля с надписью, шуба соболья и шапка черной лисицы» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1938. Л. 1).

В 1779 г. распоряжением вице-канцлера М.И. Воронцова по назначению Коллегии иностранных дел Абылаю было еще раз подтверждено жалование в размере 300 рублей и 200 пудов муки в год. Также для него был построен деревянный дом «близ реки Ишима в горах Енгистау» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. 1819–1820 гг. Д. 54. Л. 12). В то же время основной вопрос нового правителя об отправке русских войск для похода против южных соседей в Петербурге признали не заслуживающим одобрения, и он оказался решительно отвергнутым (Касымбаев, 1999: 123-126). Все принятые решения царского правительства в это время были направлены на то, чтобы «не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо воли царского правительства» (Валиханов, 1985: 115).

Для приведения Абылая к присяге как хана Среднего жуза правительством была подготовлена торжественная церемония, ему были пожалованы знаки подтверждения ханского достоинства: «грамота за Государственную печатью, шуба соболья, покрытая парчой, шапка парчевая ж с околышем чернубурой лисицы и сабля с надписью», отправленные из Петербурга в Оренбургскую крепость 21 сентября 1778 г. (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 110об.-111).

Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп должен был передать знаки власти и патент от императрицы, однако Абылай отказался прибыть на тщательно подготовленную властями торжественную церемонию. Отказ в военной помощи в южном походе и умаление титула верховного хана охладили его отношение, и вместо этого он отправился на юг Казахского ханства, вглубь территорий. Несмотря на отсутствие дополнительных сил в военном походе, Абылай разгромил кыргызов в 1779 г. имевшимися казахскими силами, вернув часть Присырдарьинского региона, и более на север не возвращался. В письмах Абылая за 1778 г. и в посланиях, составленных на протяжении двух последующих лет его жизни, верховный правитель трех жузов титуловал себя исключительно «ханом».

5. Заключение

Анализ переписки султана и хана Абылая в контексте его взаимоотношений с центральной и региональной властями Российской империи показывает, что она всегда была нацелена на соблюдение интересов и решение проблем Казахского ханства. Абылай обладал незаурядной способностью дальновидного политика, который умел оставаться независимым правителем в условиях очевидных намерений двух соседних великих империй установить свое влияние в Степи. России и Китаю пришлось длительное время подбирать различные инструменты и подходы к решению своих внешнеполитических задач. Показательно, что если в 1730-1740-е гг. российские власти вели переписку и переговоры непосредственно с самим Абылаем, то позднее субъектов взаимоотношений с казахской стороны стало больше, тем самым царизм пытался ослабить единство казахской элиты. Но Абылай, в отличие от других казахских правителей, так и не стал частью стратегических планов обеих империй по дальнейшему проникновению в Степь. Казахский правитель сам небезуспешно стремился диктовать повестку дня в регионе, являясь активным военно-политическим деятелем как внутри ханства, так и на международной арене. При этом у Абылая не было специального органа наподобие «канцелярии», такой работой занимались приставленные к нему различные толмачи, писари, муллы или грамотные из числа бывших пленных или толенгутов. Также Абылай не имел подготовленных дипломатов, эти задачи выполняли его близкие родственники: сыновья, братья или уполномоченные батыры.

Обширная по количеству и разнообразная по тематике переписка подтверждает значение Абылая как ключевой исторической фигуры XVIII в. в Центральной Азии. В сложной геополитической ситуации, в условиях двойного подданства он мог решать внутренние жизненно важные проблемы Казахского ханства и в то же время сдерживать влияние двух мощных соседних империй, сохраняя казахскую государственность.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР 19680406 «Неисследованные этапы государственной деятельности ханов Абылай, Уали и Бокея (на основе редких архивных и фольклорных источников)».

Литература

- [Абуев, 2006](#) – *Абуев К.* Абуев К. Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
- [АВПРИ](#) – Архив внешней политики Российской империи.
- [Андреев, 1998](#) – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.
- [Аполлова, 1960](#) – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
- [Аяган, Кашкимбаев 2011](#) – *Аяган Б.Г., Кашкимбаев А.Н.* Россия – Казахстан: история взаимоотношений и современность. Историко-хрестоматийный очерк. Алматы: Раритет, 2011. 240 с.
- [Басин, 1969](#) – *Басин В.Я.* Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1969. С. 50-145.
- [Валиханов, 1985](#) – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. 460 с.
- [Валиханов, 1904](#) – Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1904. 533 с.
- [Васильев, 2020](#) – *Васильев Д.В.* Рождение империи. Юго-восток России XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- [ГАОРО](#) – Государственный архив Оренбургской области.
- [Ерофеева, 2007](#) – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- [ИАОО](#) – Исторический архив Омской области.
- [История Казахстана..., 2010](#) – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с.
- [Кабульдинов, 2018](#) – *Кабульдинов З.Е.* Султанмамет султан: государственный деятель, дипломат и батыр. Алматы, 2018. 304 с.
- [Кабульдинов, 2019](#) – *Кабульдинов З.Е.* Абылай хан // *Великие имена Великой степи*. Алматы, 2019. С. 274-289.
- [КРО, 1961](#) – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.
- [Казахстан..., 1969](#) – Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Сборник статей. Отв. ред. Б.С. Сулейменов. Алма-Ата: Наука, 1969. 203 с.
- [Казахстан и Россия..., 2022](#) – Казахстан и Россия: очерки истории двусторонних взаимоотношений в новое и новейшее время (XVIII – начало XIX века). Астана: Литера-М, 2022. 392 с.
- [Касымбаев, 1986](#) – *Касымбаев Ж.* Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986. 134 с.
- [Касымбаев, 1999](#) – *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- [Кобак, 2012](#) – *Кобак И.В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2*. 2012. Вып. 2. С. 142-148.
- [Материалы по истории..., 1960](#) – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 441 с.
- [Почекаев, 2017](#) – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII – начало XX в. М.: Издат. дом ВШЭ, 2017. 384 с.
- [ПСЗРИ, 1830](#) – Полное собрание законов Российской империи. Т. X. 1737–1739. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 990 с.
- [РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Сулейменов, Моисеев, 1988](#) – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Абылай). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
- [Хафизова, 2019](#) – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- [Цинская империя, 1989](#) – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. Алма-Ата: Наука, 1989. 216 с.
- [Эпистолярное наследие..., 2014](#) – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х т. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 692 с.

References

- Abuev, 2006** – *Abuev, K.* (2006). Khan Abylai i ego vremya [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda. 304 p. [in Russian]
- Andreev, 1998** – *Andreev, I.G.* (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Central Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Fylym. 280 p. [in Russian]
- Apollova, 1960** – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v. [Economic and political ties of Kazakhstan with Russia in XVIII – early XIX century]. M.: Izd-vo AN SSSR. 456 p. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Ayagan, Kashkimbaev, 2011** – *Ayagan, B.G., Kashkimbaev, A.N.* (2011). Rossiya – Kazakhstan: istoriya vzaimootnoshenii i sovremennost'. Istoriko-khrestomatiinyi ocherk [Russia – Kazakhstan: History of Relations and Modernity. Historical and textbook essay]. Almaty: Raritet. 240 p. [in Russian]
- Basin, 1969** – *Basin, V.Ya.* (1969). Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossii v pervoi polovine KhVIII veka [Kazakhstan in the system of foreign policy of Russia in the first half of the XVIII century]. *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii)*. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR. Pp. 50-145. [in Russian]
- Epistolyarnoe nasledie..., 2014** – Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh t. T. 1. Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite in 1675–1821. Collection of historical documents in 2 vol. Vol. 1. Letters of Kazakh rulers. 1675–1780]. Almaty: AO «ABDI Kompani», 2014. 692 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press. 456 p. [in Russian]
- GAOrO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].
- Istoriya Kazakhstana..., 2010** – *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. Vol. 3. Almaty: Atamura, 2010. 768 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2018** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2018). Sultanmamet sultan: gosudarstvennyi deyatel', diplomat i batyr [Sultanmamet Sultan: statesman, diplomat and batyr]. Almaty. 304 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2019** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2019). Abylai khan [Abylai Khan]. Velikie imena Velikoi stepi. Almaty, 2019. P. 274-289. [in Russian]
- Kasymbaev, 1986** – *Kasymbaev, Zh.* (1986). Pod nadezhnyu zashchitu Rossii [Under reliable protection of Russia]. Alma-Ata: Kazakhstan. 134 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 1999** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1999). Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv (XVIII v.) [Statesmen of Kazakh Khanates (XVIII century)]. Almaty: Bilim. 288 p. [in Russian]
- Kazakhstan i Rossiya..., 2022** – *Kazakhstan i Rossiya: ocherki istorii dvustoronnikh vzaimootnoshenii v novoe i noveishee vremya (XVIII – nachalo XIX veka)* [Kazakhstan and Russia: sketches of the history of bilateral relations in new and modern times (XVIII – beginning of XIX centuries)]. Astana: Litera-M, 2022. 392 p. [in Russian]
- Kazakhstan..., 1969** – *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii)* [Kazakhstan in XV–XVIII centuries (Questions of socio-political history)]. Otv. red. B.S. Suleimenov. Alma-Ata: Nauka, 1969. 203 p. [in Russian]
- Khafizova, 2019** – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe rulers and their diplomacy in XVIII–XIX centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 476 p. [in Russian]
- Kobak, 2012** – *Kobak, I.V.* (2012). Pis'ma kak istoricheskii istochnik: zadachi i priemy izucheniya [Letters as a historical source: tasks and methods of study]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. 2:* 142-148. [in Russian]
- KRO, 1961** – *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov)* [Kazakh-Russian relations in XVI–XVIII centuries (Collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1960** – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of political system of Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1960. 441 p. [in Russian]
- Pochekaev, 2017** – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii. XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia. XVIII – beginning of XX century]. M.: Izdat. dom VShE. 384 p. [in Russian]
- PSZRI, 1830** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. X. 1737–1739. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1830. 990 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Suleimenov, Moiseev, 1988 – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1988). Iz istorii Kazakhstana XVIII veka (o vneshnei i vnutrennei politike Ablaya) [From the history of Kazakhstan of the XVIII century (about foreign and domestic policy of Ablai)]. Alma-Ata: Nauka. 144 p. [in Russian]

Tsinskaya imperiya..., 1989 – *Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.* [The Qing Empire and Kazakh khanates. The second half of the XVIII – the first third of the XIX century]. Part 1. Alma-Ata: Nauka, 1989. 216 p. [in Russian]

Valikhanov, 1904 – *Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova* (1904). [Works by Chokan Chingisovich Valikhanov]. St. Petersburg: Tip. gl. upr. udelov. 533 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 4. Alma-Ata: Gl. red. Kazakhskoi sovetskoj ensiklopedii. 460 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2020 – *Vasil'ev, D.V.* (2020). *Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Birth of Empire. Southeast Russia in the 18th – first half of the 19th century]. SPb: Dmitrii Bulanin. 608 p. [in Russian]

Взаимоотношения хана Абылая с центральной властью и региональными центрами Российской империи

Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a, Денис Аркадьевич Черниенко ^{a, *}, Анар Дуйсенбаевна Арепова ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Абылай как один из влиятельных военно-политических лидеров Казахской Степи XVIII в. в течение почти 40-летнего периода правления в качестве султана и хана Среднего жуза значительное внимание уделял выстраиванию взаимодействия с сопредельными государствами, прежде всего, Россией и Китаем. Наличие двух могущественных империй со своими приоритетами и задачами определяло характер международных связей в этой части Евразии. Российское направление во внешнеполитической деятельности Абылая приобретало все большее значение по мере укрепления позиций России на пограничной линии и колонизационной активности. Взаимодействие Абылая с центральными и региональными органами власти империи осуществлялось через переписку и обмен посольствами. Главными вопросами для обсуждения были налаживание взаимовыгодной торговли на приграничной территории, безопасность торговых караванов, обмен пленниками. В казахско-российских отношениях заметное место занимали китайский и джунгарский факторы, поэтому еще одной важной темой для переговоров являлось возможное оказание военной помощи. Обширная переписка Абылая с представителями российской власти различного уровня от комендантов крепостей до императриц показывает его стремление к защите интересов своих подданных, сохранению статуса независимого правителя и суверенности подвластной ему части Казахского ханства. Документы показывают Абылая как незаурядного политика, который не без успеха стремился формулировать и претворять в жизнь свои интересы, что, в свою очередь, укрепляло его позиции внутри казахского общества и позволило в итоге получить ханский титул. Активная внешнеполитическая деятельность Абылая делает его ключевой исторической фигурой XVIII в. в Центральной Азии.

Ключевые слова: Абылай, внешняя политика, Казахское ханство, казахско-российские отношения, переписка, правление, Российская империя, Степь, султан, хан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: denis_chernienko@mail.ru (Д.А. Черниенко)